

УЛЬЯНОВСКАЯ
СЛОВЕСНОСТЬ
НАЧАЛО ХХІ ВЕКА

АНТОЛОГИЯ

Издательство «Корпорация технологий продвижения»

Ульяновск
2015

НИКОЛАЙ НАРЫШКИН

(р. 12.06.1938)

Николай Васильевич Нарышкин (Махотин) родился в селе Кадышево Карсунского района Куйбышевской (ныне Ульяновской) области. Окончил Сурский зоотехникум (1957), Казанский университет, аспирантуру Московского университета. С 1966 года работал в Казанском университете, в настоящее время – профессор Казанского национального исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева. Действительный член Российской академии гуманитарных наук, академик международной гуманитарной академии «Европа-Азия». Общественный деятель, публицист, краевед. Член Союза писателей России. Автор более 30 художественных и публицистических книг: «Махотин извоз» (1998), «Мятущаяся Россия» (1999), «Священная Сура» (2000), «Кадышевский эпос» (2002), «Симфония земли Посурской» (2002), «Сад отца: этюды крестьянской жизни» (2004), «Добрые сурские сказки» (2005), «Богдан Матвеевич Хитрово» (2007), «Моя посурская сторона» (2008) и др. Заслуженный работник культуры Татарстана (1986) и РФ (1996). Кавалер почётного знака Ульяновской области «За веру и добродетель». Почётный гражданин Карсунского района и села Кадышево.

Добрые сурские сказки

(Отрывки из книги)

Заманиха, или Возвращение к родникам кадышевского Посурья

Однажды, когда обвораживающе-дразняще светило апрельское солнце, а по земле стелились густые призывные запахи весны и во всём живом мире начиналась несуетная канитель, мой четырёхлетний внук Андрюша на серой неумытой морщине ещё не согретого асфальта вдруг заметил... двух каких-то на вид нукудышненьких, вконец изморённых и измотанных долгой голодной зимой малюсеньких живых существ, торопливо спешивших куда-то. Это были муравьи.

По-особому степенно и осторожно, почти не дыша, Андрюша разглядывал до сих пор для него незнакомое это творение живой природы. Опомнившись от нечаянно нахлынувших на него чувств, внук тихо спросил меня: «Дедуля, кто это, откуда и зачем они?» Его

вопрос тут же перенёс меня в моё детство, а оттуда – в волшебное царство Заманихи, которым я грежу до сих пор, запахи необыкновенного мира которого слышу, чуть прикрыв глаза, царство, которое постоянно включает мою душу и будоражит моё воображение, вплоть до появления передо мною зовущих обратно в детство миражей.

Заманиха... Для меня, полностью слившегося с присурско-кадышевской русской природой и являющегося целиком её порождением, Заманиха была куда более таинственной и манящей, чем воспетые Ф. Купером и М. Ридом, переполненные индейскими племенами и невиданными божественными животными и птицами щедрые, первозданные прерии Америки и саванны Африки!

Заманиха моего детства окутана нежностью Суры, о которой в 1840 году в далёкой французской Ницце восторженно рассказы-

вал старому Рейну наш гениальный земляк
Николай Михайлович Языков:

Тебе привет...

Суры, красавицы задумчиво бродящей,

То в густоту своих лесов

Скрывающей себя, то на полях блестящей

Под опахалом парусов...

Моя Заманиха озарила светом всё моё детство. Она для меня всего роднее, теплее, уютнее. Заманиха – всегда во мне и около меня. Заманиха – это утро моего детства. Мой полдень – это тоже Заманиха. Она – мой первый глоток воздуха. То, что я увидел, появившись на белый свет, – это Заманиха. Заманиха первой меня спеленала и первой посвятила в волшебные игры природы. Она первой благословила меня в многотрудный путь по жизни. Первым букварём и первой таблицей умножения была для меня Заманиха.

Растительный, животный и букашковый мир Заманихи был у подножия сплошь покрытой душицей, невысокой, чуть приплюснутой, опрятной своей девственной свежестью красноглиняной с белёсым, как парное коровье молоко, горы за плетнёвой городьбой нашего кормильца-огорода. Гора, прикрывающая своим остовом Заманиху от нехороших северо-восточных ветров, тогда, в детстве, казалась гораздо выше даже легендарной Арарат-горы, о которой мне полно всего рассказывала мудрейшая бабушка Ани-сья Архиповна.

В центре заманихинского волшебного царства стояли, взметнув богатырскую, чудотворную силушку свою из глубин былинной русской земли к голубым небесам, выше даже Долгой горы, старые-престарые, неохватные, всегда между собой и с окружающим их миром о чём-то перешёптывавшиеся тополя. От тополей на всё живое растекались тополиные запахи. Запахи эти весело кружили голову не только мне. Растворяясь в лугоборовом, на-

стоянном на целебных травах, цветах, на хвое, мяте и душице, на пчелином мёде-воздухе, тополиные запахи пропитывали силой, удалю, доброй и первозданной простотой весь кадышевский народ.

Души всех кадышан сотворялись из воздуха Заманихи, пропитанного загадочным духом тополей, вётел, сосен, талов, лип и луговых трав.

Не может быть чистой душа человека и без родников, которые народ так мудро назвал Ключи! Совсем недавно мы с восьмидесятилетней мамой долгими вечерами вспоминали наши сельские родники. Сколько их было, родников этих!.. Жители любого села в былые времена старательно оберегали родники-ключи, постоянно поддерживали их жизнь. У крестьянина к роднику было такое же почтение, как и к кормилице земле. Наступило новое время, и родникам, как и всей природе, досталось. Их мяли, топтали, заваливали, замусоривали. На месте многих некогда знаменитых ключей льются лишь горькие слёзы земли. Грустно и крайне неловко мне оттого, что люди стали забывать свои родники, как, впрочем, и свои традиции, и всю историю своей малой и большой родины, а мы ведь все берём начало из... родников. Но были, были, люди русские, у нас родники!.. Только поэтому так широко и раздольно, так по-родниковски свежо и божеественно чисто на присурском приволье веками пела русская душа!..

Сотни парней и девчат собирались тёплыми душистыми летними вечерами на Долгой горе, над Заманихой лились окрест под гармошку и балаалайку в сопровождении величественного озёрно-лугового лягушачьего оркестра цветистые, задушевно-зазорные песни. Вот это было чудо!.. До сих пор я продолжаю очаровываться чудным миром песни, которую пели в старое время девки на девичнике:

Сладка яблонька сахаренька,
Отрасли вити до сыраю земли.
Привились кудри ка белому лицу.
Яво личко, точно беленькай снижок,
Яво почки – как в саду розовый цвяток...

Содержание и мелодии тех крестьянских песен не только неподражаемы, но и неповторимы, а теперь почти и невозможны. За последние годы только в моём родном Кадышеве канули в вечность огромные запасы фольклора, уникального народного творчества. Заслушивались мы, когда, укачивая в кроватке своего любимого правнука Андриюшеньку, его прабабушка Анна Михайловна Нарышкина приговаривала:

У Лисаньки было семь дочерей:
Дарья, Марья, Фядосья, Ниносья,
Степанида, Салманида,
Душа Катенька.

Две Акульки во люльке качаются,
Два Стяпана во смятане бултыхаются...

Завораживающе свои песни пели люди! Музыка их песен сливалась с музыкой природы... Попробуйте угодить своим исполнением миллионам музыкантов-лягушек, объединённых природой в своеобразный коллектив, музыкальные традиции которого насчитывают сотни тысяч лет! Как бы вы ни старались, вы никогда и нигде не сыщете столько искусных музыкантов-виртуозов, сколько их когда-то собиралось в том прославленном оркестре на цветуще-благоуханной сцене заливных присурских лугов!.. Разного рода музыкальные произведения в исполнении лягушачьего хора до сих пор продолжают всплскивать моё сознание, рисуя волшебные русские деревенские картинки, которые вы не сыщете на полотнах даже самых известных живописцев.

Все кадышевские песни дышали благотворным и чудотворным воздухом моей Заманихи. Плыла песня с Долгой горы, поднявшись над Сурой, над сурскими пахучими

лугами с клубничными полянами, с зарослями ежевичника, шиповника, боярышника, смородины, с плантациями дикого лука, шавеля, борщёвок, дягилей... Плыла песня над синеглазыми кишевшими сомами (некоторые из сомов достигали более десяти пудов и нередко буйством своим наводили ужас на прохожих!), щуками, жерехами, судаками, лещами озёрами Промзюком, Глубоким, Притворным, Рассохвицей... Плыла песня, оттолкнувшись от трепетавших в истоме и бившихся в ненасытной жажде жизни юных сердец, куда-то в таинственную зовущую даль... куда-то в сторону древнего соснового бора. Долежавшая до боровой черни песня приводила в умиление даже старого филина, который, не стесняясь своего сверхпочтенного возраста, частенько подпевал своим бархатным басом. Я сам это слышал!..

А иногда, всплеснувшись, песня с Долгой горы стремительно неслась в берёзовую, грибную Чигириху, к ягодным Елховым горам, под Часовенскую гору, где издавна природа размещала свои несметные плодородные нивы, способные, как казалось мне тогда, в счастливом детстве, прокормить не только Кадышево, но и всё человечество... Неслась выплснутая из молодых душ песня и между горами Свальной и Плечистой, где когда-то, как утверждали седовласые старики, пролетал сам Стенька Нечистый!..

Частенько поутру мимо Заманихи по веселенькой тропке я бегал в верхний лес по грибы и ягоды. Лет с пяти увлёкся я ягодогрибным промыслом. Весь день бродил по диковинному лесу, по лесным опушкам и полянам сначала со своей благороднейшей старенькой бабушкой, изумительной русской сказительницей Анисьей Архиповной Махотиной, а потом любил разгуливать, мечтая о чём-то, один...

В одно ярко-светлое, росистое и лучистое,

благоухавшее животворными испарениями земли утро и случилась эта невероятная, сказочная история, которую я, глядя на растерянно бегавших по холодному индустриальному асфальту беззащитных муравьишек, и поведал через сорок пять лет своему лучезарному, пылливо всматривавшемуся через открытое окно в мир внучонку Андрюше...

В далёком нашем детстве кибернетика ещё не успела вытравить из людей сказочного воображения. Моё поколение успело пережить веру в разных оборотней, домовых, леших, чудовищ с хвостами и без них... Меня всякими небылицами, фантастическими и библейскими историями щедро подпитывала бабушка Анисья Архиповна. Вот была богатая на воображение натура! Лежа на теплой печке, она могла сутками, не повторяясь, рассказывать всяческие истории, сказки, прибаутки, напевать песни вроде этой:

Как у месяца у молодца крутэе рога,
Как у нашего у Коленьки кудрява голова:
По плечам кудри лежат, как жар горят.
Ехали бояре, и всё дивовались:
Что это за парень, что эт за хорошей.

Эт не мать яво родила, не отец воспитывал...

Слушать было бабушку не заслушаться. Куда только бабушка своими рассказами меня не водила! Каких только диковинных птиц я с бабушкиной печки не видал! И сейчас передо мною проплывают видения с Жар-птицей и Финистом ясным соколом...

Итак, было раннее утро... Только что прогнали пастухи по селу коровьи и овечьи стада. Из-за Долгой горы не торопясь выкатилось сияющее добротой, умытое лесным воздухом Красное Солнышко. Торопливо умывался росой, капельки которой в изобилии серебрились на травах и листьях деревьев, весь насекомый мир. Сладострастно пели неземные песни всяческие пташки. Все живые твари,

проснувшись, славили наступление нового дня. Над Заманихой всё пело, жужжало, стрекотало... От птичьей и насекомой круговерти рябило в глазах.

Тем утром с небольшим кошелём из бересты не спеша я поднимался по тропинке в гору. Держал путь я через нагорные улицы Щелкан и Ветроудевку в берёзово-папоротниковую Чигириху, ближайший лес, по ягоды. Моё воображение уже рисовало сладкие, душистые полянки с лесной земляникой, как вдруг на узкой тропке я увидел эту ужасную, приведшую меня в леденящий трепет трагедию... Трагедию разыграл огромный жук-живодёр по имени Кузька. Своим садизмом Кузька слыл по всей округе. Это был настоящий душегуб. Кузька-живодёр всех, кроме себя, люто ненавидел. Свою злобу он многократно изливал даже на своих собратьев-жуков. Жестокий жук-живодёр Кузька угрожал полным уничтожением и заманихинским вековечным тополям. У одного уважаемого крестьянина-бобыля Кузька превратил в тлен дом. А уж сколько живодёр пожрал картошки!..

На этот раз он пытался взять в плен... маленького муравья, спешившего на работу в соседний овраг. Муравьишка, как мог, сопротивлялся. Но силы были уж слишком неравные, и он уже предчувствовал свою гибель. Со всей мальчишечьей решительностью я вырвал муравья из злых рук Кузьки-убийцы.

К моему изумлению и неопишуемому восторгу, муравей, опомнившись, проговорил мне человеческим голосом: «Коля, ты спас меня от неминуемой гибели, и за такой благородный и героический поступок я тебе покажу то, что во всей деревне ещё ни один мальчишка не видел: волшебное травяно-насекомо-птичье царство Заманиху!»

Выждав, пока я вышел из опеки, муравей, сказав, что его во всём царстве все зовут Софроныч, повёл меня к границе Зама-

нихи. У входа в царство по сторонам стояли знающие себе цену два преогромных лопуха, а под лопухами величаво восседали на яблоневых пеньках жабы, разодетые в яркие зелёные камзолы. В лапах жабы держали трезубцы, напоминавшие деревянные сенокосные вилы.

Приблизившись к жабам-рыцарям, муравей что-то им твёрдо сказал, и они, отдав нам честь и три раза проквакав, пропустили нас через границу на территорию Заманихи.

До этого приключения со старой груши, что раскидисто, как-то враскоряку стояла на огороде посредине тыквенных грядок возле нашей старенькой, пригнувшейся к земле липовой бани, я не раз любовался переливающимся, как небесная радуга, покровом Заманихи, который каждую весну природа заново старательно и искусно ткала из крапивы, лопухов, колючек, бузины, крушины, одичавшей смородины, разных трав и цветов. И вот внутри этого царства муравей Софроньч меня познакомил совсем с другим, скрытым от человеческих глаз, волшебным миром чудес.

То царство, с жизнью которого меня познакомил мой новый друг Софроньч, было царство диковинное и мирное. Оно никогда не знало войн и всяческих других конфликтов, которые, к примеру, постоянно разыгрываются в царствах людей. Жители Заманихи жили в мире и добром согласии. Они даже не ссорились друг с другом. Им, жителям сказочной Заманихи, было не до ссор и мелких дразг: они работали! Правда, иногда, хоть и очень редко, но мирная жизнь этого волшебного царства всё-таки нарушалась злодейскими набегами коршунов-стервятников. В это время, конечно, бывал переполох! Но тогда, когда Софроньч водил меня по своей родной Заманихе, там было полное умиротворение. Счастливую жизнь её обитателей никто из незваных гостей, пришельцев из других земель, не нарушал. Гуляя по приволью За-

манихи, чего только я там не увидел! Перед моими глазами вдоль широченных покрытых цветистыми живыми коврами из трав улиц предстали – о, чудо из чудес! – величественные дворцы-муравейники, в которых непрерывно день и ночь кипела непостижимая для простых смертных людей жизнь. В каждом из дворцов жило по миллиону муравьёв, и все вместе они, не суетясь, подчиняясь какому-то неведомому для нас закону жизни общественных систем, делали своё муравьиное дело, делали искусно, без переполохов.

По улицам селений волшебного царства взад и вперёд, пересекая нам дорогу, порхали разноцветные бабочки. Иногда над нами летали даже ковры из бабочек. Везде, где бы мы ни появлялись с муравьём Софроньчем, вкусно пахло диким мёдом, мятой, душицей... Витали в тёплом, парном воздухе и сотни других запахов, от которых у меня почему-то пела душа и радостно билось сердце. Эти запахи исходили от множества трав, цветов и кустарников.

Мой друг Софроньч степенно шёл впереди, а я, оглядываясь по сторонам, шёл за ним. Софроньча в Заманихе знали почти все её обитатели: ежи, муравьи, ужи, птицы, божьи коровки, мыши, жабы... Чувствовалось, что муравей среди жителей Заманихи пользовался великим уважением. Особенно высок авторитет был у Софроньча в муравейниках. Там перед ним ломали шапки даже старые муравьи! А молодые услужливо освобождали для нас проход во встречавшихся залежах валежника.

Великое множество пчёл увидел я в Заманихе! Пчёлы, как и муравьи, в отличие, скажем, от попрыгуний-стрекоз и некоторых красавиц бабочек, жизнь свою проводят в неистовом труде во благо живого мира, всей природы. Без их труда растительный мир всего этого волшебного, цветущего царства

пожух бы, всё в нём поблекло бы, посерело, а затем и начало отмирать.

Много я видел в Заманихе и ежей! Они тоже делом заняты были: кто из них дома-гнезда мастерил, кто строительный материал заготавливал, а кто и запасами занимался.

Вся Заманиха была в жизнедвижении. Что только одни сороки по всей Заманихиной округе вытворяли! Короче говоря, население Заманихи творило для себя будущее!.. С помощью моего друга муравья я тогда узнал о многих сокровенных тайнах этого творения.

В тот день я подружился с Заманихой прочно и навсегда. Потом много-много раз я, затаив дыхание, посещал открытое для меня муравьём одно из царств природы – Заманиху. Оттуда я старался взглянуть в огромный планетный и космический мир – мир, сияющий ослепительно манящими сполохами на восходе моей гражданской жизни. Там я потом почти каждый день ждал сказочную птицу Феникс, про которую мне длинными зимними вечерами на тёплой русской печке, на овчине, при божественном свете лампы, что торжественно располагалась под образами святых на божнице, рассказывала старенькая бабушка Анисья Архиповна. Бабушка старательно тихо убеждала меня в том, что райская птица Феникс обязательно посетит нас и изгонит зло, а добро рассеет по всему многострадальному миру людей. Моя бабушка трепетно верила в Бога, в доброе назначение людей. Она любила всех людей. Для бабушки не существовало национальных различий. Она всё повторяла: «Все, внучоночек мой, люди, все человеки...» Верила моя бабушка в духовное Воскрешение России. Я благодарен судьбе за то, что всю свою жизнь чувствую в своей душе яркое, чудесное сияние бабушкиной доброты...

А какие я увидел в Заманихе скверы! В них кроме душистых цветов было рассеяно множество птичьих гнёзд – соловьиных, даже

куриных и утиных, встречались гнёзда и жаворонков. В некоторых гнёздах лежали яйца, а в других кувыркались, нежно попискивая в ожидании своих мам, маленькие пушистые комочки. То были будущие хозяева Заманихи!

Всё то, о чём я рассказывал в тот апрельский день своему внуку Андрюше, он слушал необыкновенно внимательно, как-то повзрослому. Видно было, как по его умному, ангельскому, ещё не тронутому людскими тревогами личику непрерывно гуляла мысль. О чём думал в эти минуты мой внук? Казалось мне: маленький человечек напряжённо старался соединить воедино прошлое, настоящее, будущее, то есть, восстановить то, что взрослые люди разрушали на протяжении многих десятилетий.

Тарасова гора

В наших околосурских благословенных местах вольготно живёт-поживает на живописных просторах былинного русского края более четырёхсот лет православное селение Кадышево, Покровское тож, а в его объятиях стоит Тарасова гора. Сколько ей лет, в нашем селе никто никогда точно не знал, а сама она помалкивала до сих пор.

А когда-то была здесь глушь, пустошь, на земле которой следов человека не видно было, зато диковинных зверей и птиц – видимо-невидимо. Кругом всё рычало, мычало, ревели, насвистывало, крикало, квакало, стрекотало, жужжало.

За Сурой, по её левому берегу, росли дубовые рощи, а в них – полно озёр, глубоких, пеленой тайн укрытых. Те озёра синеглазые, кувшинками-лилиями разукрашенные, кишели рыбой всякой. В этом великом лесо-озёрно-луговом царстве до появления в нём людей владычествовали водяные и лешие, в

царстве этом полно жило русалок, по красоте которым не было равных по всей Земле.

Правый берег Суры в докадышевские времена сплошь был покрыт лесами дремучими и кустарниками непролазными. Природа присурского царства оставалась девственной, первозданной со времён сотворения жизни на Земле. В непроходимые дебри-чащобы люди боялись войти: уж больно много в них шаталось леших и их собратьев. Вот так безлюдно шли тысячелетия.

Но однажды случилось то, что обязательно должно было случиться: сюда, на правый берег Суры, под белогрудые горы, заросшие вишней и клубникой, к холодным ключам, бьющим из-под гор, пробрался сквозь вековые заросли Человек. Он был другом-соратником Ильи Муромца. Величали его Тарасом Кадышанином. Жизнь свою Тарас посвятил любезному Отечеству.

Он хранил покой русского народа, не допускал в пределы Святой Руси разных мастей супостатов. Частенько бился с ними Тарас Кадышанин плечом к плечу с Ильёй Муромцем, Добрыней Никитичем, Алёшей Поповичем. Ох, как боялись их недруги!

Прослышал как-то Тарас дурную весть о том, что давно зарятся на присурские многообильные земли тёмные силы – уж очень им хотелось овладеть этой первозданной землёй. И решил богатырь навсегда лишить бесовщину аппетита на эти благодатные земли.

Помолясь и получив благословение у Всевышнего, Тарас Кадышанин взял свой грозный меч, надел непробиваемую кольчугу, сед на своего надёжного боевого коня и отправился в трудный путь, в неведомые посурские земли. Доехав на удалом коне до устья священной реки Суры, вольно впадающей в великую Волгу, Тарас Кадышанин стал терпеливо, шаг за шагом, настойчиво продвигаться по заросшему деревьями, кустарниками и

травами правому сурскому берегу, вверх по реке. Дорогу Тарас Кадышанин прокладывал сквозь страшные дебри вручную. Силушки у него было столько, что огромные дубы и вёльы, стоявшие на пути, он выдирает с корнем и укладывает по сторонам.

Лешиего население от страха всё попяталось, с испуга замерли, притаились в глухомани суровых лесных чащоб медведи, волки, рыси, кабаны – действия могучего Тараса приводили зверьё в оцепенение.

Наконец, преодолев все нечеловеческие трудности, Тарас Кадышанин добрался до заветного края. Главный привал Тарас устроил верстах в четырёх от Суры, на самой высокой горе, кою он тут же облюбывал для первой сторожевой заставы. На горе, которую кадышане позже стали уважительно величать Часовенской, Тарас стал на часы – охранять обетованную посурскую землю от несметных полчищ врагов лютых и алчных.

В летнюю пору тёплой лунной ночью Тарас частенько купался в водах Суры, а неподалёку на островах, окружённых корягами, бестии-русалки водили хоровод. Одна из русалок, с косой до самой земли, с синими глазами, сияние которых проникало в глубины души русского богатыря, особо ласково и притягательно-страстно поглядывала на Тараса, и он, замороженный неземной красотой русалки, не в силах был отвести от неё глаз. Уловив момент, русалка подплыла к Тарасу, обожгла его своим любовным теплом и поспешно, чтобы водяной не подслушал, промолвила: «Полюбила я тебя, Тарасушка, вижу, что и я тебе любя, мы сможем соединить свои сердца и стать мужем и женой, если ты не испугаешься тёмных сил и вызволишь меня из бесовской паутины следующей ночью, когда в ливневый дождь с невиданной силой ветром и громом начнётся светопреставление».

Назавтра, ближе к ночи, сел Тарас на бое-

вого коня и отправился к Суре, на русалочий остров, охраняемый воинством водяных. Только Тарас появился на берегу, началась вакханалия, зародилась бесовской силы вихрь. Наступила крошечная тьма, всюду с небес до земли разразились раскаты грома, засверкали ослепительные молнии, водопадом хлынул ливень, затряслись воды Суры. В кошмаре природно-бесовской стихии Тарас увидел писаной красоты русалочку, одарившую его любовью негасимой. Схватив меч, ангельскими силами превращённый в непобедимый, Тарас на своём ретивом коне кинулся в самую гущу сатанинского шабаша. Растоптал гульбище сатаны и привёл в спокойное состояние посурскую природу. После чего схватил за талию русалочку, нежно посадил её рядом с собою на коня и помчался в сторону Часовенской горы, где для влюблённых ангельские силы сотворили чертоги чудные. Русалочка, сбросив с себя колдовское обличье, превратилась в прекрасную царевну Аксинью.

Тарас и Аксинья стали жить-поживать, купаться в обоюдной ласке, детей рожать, наслаждаться райскими красотами посурской природы. В летнюю пору утром и вечером, а также лунно-звёздной ночью влюблённые купались в живительных водах ласковой Суры.

Река настолько им приглянулась, что Тарас и Аксинья решили насовсем перебраться на берег правый, поодаль от Часовенской горы и лесов, её окаймляющих.

Одно не устраивало Тараса Кадышанина: отсутствие в этом присурском месте такой горы, как Часовенская, на которой он долгое время на часах стоял и с которой ему окрест видно было всё. И решил тогда богатырь Тарас метрах в четырёхстах от Суры воздвигнуть Гору мощи неохватной с обличьем живописным.

И начались тяжёлые Тарасовы труды по созданию Горы-Поста, кордона и бастиона.

Тысячу дней и ночей без отдыха, без праздных минут Тарас Кадышанин на своих титанических плечах таскал землю, камни, глину, песок, мел для воздвижения Горы – одного из форпостов русской Державы. И вот закончились работы по сооружению этого Дива – перед Сурой и околосурьем величаво и дородно, приветливо предстала рукотворная Гора, взявшая на себя обет все будущие века неколебимо стоять на страже Славянского Доброго Духа в краю Посурском. Гора эта и поныне стоит, а зовётся она теперь Горой Тарасовой.

Тарас Кадышанин имел большую дружную семью. Только сыновей у них с Аксиньей было 15 – красавцев, как мать, богатырей, как отец. Слух о ратных подвигах и добрых трудовых делах Тараса Кадышанина разнёсся по всей Руси, по всему неохватному бескрайнему полю славянскому. Вскоре под надёжный покров богатыря Тараса по его вдольсурской дороге, от устья Суры от самой Волги, стал стекаться народ славянский, веры христианской, православной. Они с охотой обустроивались в безлюдном месте, населённом зверьём всяким и птицами разными. Возле Тарасовой горы строили добротные избы, обзаводились домашними животными, возделывали на целинных землях огороды и поля, ловили рыбу в Суре и озёрах, занимались пчеловодством и бортничеством. Драли в липовых рощах лыко на мочало, портняжничали, кожевничали, ткали полотно, сено на обильных сенокосах заготавливали, сплавливали вниз по Суре лес, рубили избы, бани, конюшни, рожали детей и в люди их выводили.

Маленькое присурское поселение с Тарасовой горой постепенно переросло в крупное село с двумя православными храмами, тысячами крестьян и сотнями ремесленников. Народ назвал его Кадышевом в честь русского богатыря Тараса Кадышанина и его знатных сыновей, величавшихся кадышанами.